

Научная статья

УДК 025.171:929 Ахматова А.А.
DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-144-173

**Об этике и точности исследователя:
проблемы научного подхода в статье П. А. Дружинина
о фальсификации рукописей А. А. Ахматовой**

Михаил Вадимович Сеславинский

Российская академия художеств
Москва, Россия

Национальный союз библиофилов
Москва, Россия

tat313@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8330-5136>

Аннотация

Статья представляет собой отклик на публикацию П. А. Дружинина «Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии», в котором доказательно излагается ошибочность и ангажированность подхода автора при обсуждении подлинности или поддельности ряда инскриптов Анны Андреевны Ахматовой, находящихся в частных библиофильских собраниях. Показано, что П. А. Дружинин нередко пользуется непроверенными сведениями, не являясь специалистом по текстологии и экспертизе рукописного наследия Ахматовой. Главная цель отклика – предостеречь будущих исследователей от использования сомнительных способов «автоэкспертизы», к которым прибегает автор указанной статьи.

Дана также оценка архиву Н. Л. Дилакторской (1914–1989) из собрания петербургского библиофила А. М. Луценко (1940–2008), который в статье Дружинина представлен как владелец фальшивых рукописей Ахматовой, сознательно их пропагандировавший. Рассказано об истории формирования обширной коллекции Луценко (с большим числом автографов поэта, приобретенных у разных лиц и при других обстоятельствах, причем провенанс и репутация этих инскриптов в настоящее время никем не ставится под сомнение), о приобретении им бумаг Дилакторской, а также эволюции отношения к ним как самого А. М. Луценко, так и исследователей творчества Анны Ахматовой. Подчеркнуто, что отрицательное мнение автора отклика об «ахматовских рукописях Дилакторской» сложилось еще в 2014 г., причем на основании тщательного изучения состава этой Ахматовианы (которая до сих пор остается в собственности семьи Луценко и не меняла своего владельца, вопреки утверждению П. А. Дружинина). Опровергаются искажения тезисов автора отклика и иных исследователей по рассматриваемой теме.

Кроме того, рассказано о коллекции автографов Ахматовой, находящихся во владении М. В. Сеславинского, которые вошли в издание «Библиофильский венок Анне Ахматовой» (2014) и не имеют отношения к «ахматовскому архиву» Н. Л. Дилакторской из коллекции А. М. Луценко. Представлен детальный текстологический анализ важного

© Сеславинский М. В., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 3. С. 144–173

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 3, pp. 144–173

спорного артефакта, известного как «телефонная книжка Анны Ахматовой» из собрания Михаила Викторовича Ардова.

Ключевые слова

Ахматова, Луценко, рукописное наследие, библиофильство, инскрипты, автографы, научная экспертиза, научная добросовестность

Для цитирования

Сеславинский М. В. Об этике и точности исследователя: проблемы научного подхода в статье П. А. Дружинина о фальсификации рукописей А. А. Ахматовой // Сюжетология и сюжетология. 2023. № 3. С. 144–173. DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-144-173

**On Ethics and Accuracy of the Researcher:
Problems of the Scientific Approach
in the Article by P. A. Druzhinin
on the Falsification of Manuscripts by A. A. Akhmatova**

Mikhail V. Seslavinskiy

Russian Academy of Arts
Moscow, Russian Federation

National Union of Bibliophiles
Moscow, Russian Federation

tat313@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8330-5136>

Abstract

The article is a response to the publication by P. A. Druzhinin “Falsification of Anna Akhmatova’s Manuscripts as an Actual Problem of Textual Criticism”, which evidently states the fallacy and bias of the author’s approach when discussing the authenticity or forgery of a number of Anna Andreevna Akhmatova’s manuscripts in private bibliophile collections. It is shown that P. A. Druzhinin often uses unverified information, not being a specialist in textual analysis and expertise of Akhmatova’s handwritten heritage. The main purpose of the response is to warn future researchers against using dubious methods of “auto-expertise”, which the author of this article resorts to.

An assessment is also given to the archive of N. L. Dilaktorskaya (1914–1989) from the collection of the St. Petersburg bibliophile A. M. Lutsenko (1940–2008), who in Druzhinin’s article is presented as the owner of fake manuscripts by Akhmatova and their deliberate propagandist. It tells about the history of the formation of an extensive collection of Lutsenko (with a large number of autographs of the poet, acquired from various persons and under other circumstances, and the provenance and reputation of these inscripts is currently not questioned by anyone), about his acquisition of Dilaktorskaya’s papers, as well as the evolution of the attitude towards them of A. M. Lutsenko as well as researchers of Anna Akhmatova’s creativity. It is emphasized that the negative opinion of the author of the response about the “Akhmatova’s manuscripts of Dilaktorskaya” was formed back in 2014, and on the basis of a thorough study of the composition of this Akhmatoviana (which still remains in the ownership of the Lutsenko family and hasn’t changed its owner, as opposed to the statements of P. A. Druzhinin). The distortions of the theses of the author of the response and other researchers on the topic under study are refuted.

In addition, it is told about the collection of Akhmatova’s autographs in the possession of M. V. Seslavinskiy, which were included in the publication “Bibliophile wreath to Anna Akhmatova” (2014) and are not related to the “Akhmatova archive” by N. L. Dilaktorskaya

Сюжеты и судьбы

from the collection of A. M. Lutsenko. A detailed textual analysis of an important controversial artifact known as the “Anna Akhmatova phone book” from the collection of Mikhail Viktorovich Ardov is presented.

Keywords

Akhmatova, Lutsenko, handwritten heritage, bibliophilia, inscript, signature, scientific expertise, scientific integrity

For citation

Seslavinskiy M. V. On Ethics and Accuracy of the Researcher: Problems of the Scientific Approach in the Article by P. A. Druzhinin on the Falsification of Manuscripts by A. A. Akhmatova. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 3, pp. 144–173. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-3-144-173

Любовь к науке – это любовь к правде, поэтому
честность является основной добродетелью ученого.

Людвиг Фейербах

В журнале «Сюжетология и сюжетография» опубликована статья П. А. Дружинина «Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии» [2023б], в которой содержится ряд утверждений, требующих, на наш взгляд, комментариев и критических замечаний. Пропагандируя научный подход к анализу массива рукописей и автографов А. А. Ахматовой, автор статьи порой дает весьма субъективные оценки тем или иным событиям и инскриптам, не утруждая себя их детальным анализом, а порой и подменяя понятия.

При этом отметим, что актуальность самой проблемы наличия множества фальсифицированных инскриптов (как А. А. Ахматовой, так и других значимых писателей и поэтов) не вызывает сомнения: мы неоднократно обращались к этим проблемам в прошлом десятилетии [Сеславинский, 2010; Библиофильский венок Анне Ахматовой, 2014; Искусство автографа, 2015; Библиофильский венок М. И. Цветаевой, 2017, с. 16]. Также согласимся с тем, что основная часть приведенных автором сомнительных автографов, на наш взгляд, действительно фальсифицирована, но ряд выдвигаемых им гипотез требует строгой проверки. Не слишком корректны и характеристики ряда исследователей и собирателей, которые все-таки нуждаются в пояснениях.

В целях удобства восприятия материала нам потребовалось прибегнуть к обширному цитированию и самоцитированию. Таким образом, читатель сможет делать выводы без обращения к статье П. А. Дружинина и нашим более ранним работам.

Сомнения в сугубо научном подходе возникают уже с первых фраз «Введения», в котором привлекает внимание утверждение о том, что «<...> к 2020-м гг. доля подлинников во вновь выявляемых рукописях Ахматовой не превышает десятой части» [Дружинин, 2023б, с. 28]. Закономерно задать вопрос: на чем базируется данный тезис? Хотелось бы все-таки понять, как именно проводились подсчеты. А главное, о каком временном промежутке все же идет речь? Последних пяти годах? Или о фактически 30-летнем периоде, начиная с 1995 г., от которого несколькими строками ниже отталкивается П. А. Дружинин? Относятся ли «вновь выявляемые рукописи Ахматовой» лишь к аукционным продажам и публичным

частным сделкам – или автор обладает эксклюзивными знаниями о непублично выявленных инскриптах в государственных и негосударственных собраниях? Позволим себе в этом усомниться. И как велико количество рукописей и инскриптов, о которых идет речь? Даже простейшее обращение к электронной базе данных крупнейшего агрегатора российских торгов Bidspirit позволяет легко выявить примерное количество предложенных к продаже предметов¹. Таким образом, уже первый значимый тезис в указанной статье демонстрирует небрежность ее автора и вызывает сомнения в настойчиво декларируемом базовом научном подходе.

Первый раздел статьи П. А. Дружинина и ряд тезисов ее последующих глав посвящены так называемому архиву Н. Л. Дилакторской (1914–1989) из собрания петербургского библиофила А. М. Луценко (1940–2008). Дискуссии вокруг этого массива рукописей и автографов велись со второй половины 1990-х гг. и хорошо известны исследователям и коллекционерам. Сам П. А. Дружинин приводит ряд фактов, подтверждающих существовавшие в тот период серьезные аргументы в пользу их подлинности. Так, Российская национальная библиотека приобрела шесть листов рукописей в свои фонды, положительно высказывались серьезные литературоведы М. М. Кралин, М. Б. Мейлах, В. Н. Сажин и др.

В этой ситуации искренняя вера А. М. Луценко в подлинность «наследия Дилакторской» вполне объяснима и, на наш взгляд, этически оправдана. В то же время в статье П. А. Дружинина его деятельность представлена так, что у читателя складывается впечатление, будто речь идет о человеке, который сознательно и злоумышленно навязывал всем фальшивые рукописи Ахматовой.

Поэтому поясним, о ком, собственно говоря, идет речь. В статье употребляется лишь одно пренебрежительное словосочетание «петербургский антиквар». Да, Аркадий Михайлович некоторое время был совладельцем магазина «Библиофил», но этим его жизнь не исчерпывалась. Он имел фундаментальное образование, которое продолжил на высших математических курсах при ЛГУ, стал кандидатом технических наук, преподавал в петербургских вузах. Отечественные исследователи и собиратели знали его как обладателя фантастической коллекции редких изданий и автографов литераторов эпохи Серебряного века, открытой для многих научных работников. На его уникальное собрание инскриптов и рукописей А. М. Ремизова (1877–1957) опиралась в своих работах Е. Р. Обатнина – доктор филологических наук, ведущий сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) [Обатнина, 2021; Алексей Михайлович Ремизов, 2016]. Инскриптам Ремизова посвящено отдельное издание [Вуль, 1993]. А масштабную подборку автографов М. А. Кузмина (1872–1936) использовал профессор МГУ, доктор филологических наук, известный литературовед Н. А. Богомолов (1950–2020) [Кузмин, 1996]. Оба этих ученых в беседах с нами с большим уважением говорили об А. М. Луценко и его работах (назовем хотя бы несколько [Луценко, 2004; 2007; 2010]). А вот что, например, писала о нем Е. Р. Обатнина в сборнике «Опаленный Серебряным веком»:

¹ В качестве любопытной ремарки сообщим, что за период с 2015 г. по август 2023 г. было выставлено на торги около 100 предметов, именуемых как рукописи и автографы поэта. См. сайт: <https://ru.bidspirit.com/ui/home?lang=ru> (дата обращения 30.08.2023).

Сюжеты и судьбы

<...> когда я бывала у него в гостях, мы подолгу стояли перед заветным книжным шкафчиком, говорили об автографах на книгах, аккуратно раскладывали содержимое массивного комода, рассматривая графические листы, и рисунки, и автографы. Имена, литературные сюжеты, датировки, все мы обсуждали подробно, часто дополняя друг друга.

<...> Как и для меня, для Луценко Ремизов был любимым героем. Он довольно много знал о писателе, внимательно и часто перечитывал его автобиографические произведения, стараясь понять психологию личности, уточнить обстоятельства его жизни.

<...> Я нередко была свидетелем того, как в Аркадии Михайловиче мучительно боролись два желания. С одной стороны, он действительно хотел, чтобы его материалы были задействованы в научных исследованиях, введены в научный оборот. С другой – он считал, что публикации снижают престиж и ценность собственной коллекции [Луценко, 2010, с. 124–125, 127].

Как мы видим, данное свидетельство достаточно тонко и интеллигентно поясняет подоплеку действий А. М. Луценко.

В наших беседах с Н. И. Крайневой уже после публикации статьи П. А. Дружинина мы еще раз получили подтверждение того, что прекрасная коллекция автографов писателей и поэтов Серебряного века в собрании Луценко не вызывает сомнений в подлинности – за очень редким исключением.

Теперь вернемся к сюжету о наследии А. А. Ахматовой в его собрании.

Статья П. А. Дружинина сводит эту коллекцию к так называемому архиву Дилакторской. Это прямо противоречит истине, о чем требуется рассказать более подробно.

Заблуждение автора непростительно еще и потому, что он, обильно цитируя публикации о собрании А. М. Луценко, сознательно игнорирует их контекст и фрагменты, с целью усилить обвинительные умозаключения в адрес библиофилов.

В частности, П. А. Дружинин утверждает:

Основной корпус «Ахматовианы» А. М. Луценко сохранился единым комплексом, и в 2015 г. была сделана попытка легализации этих рукописей. Причина просматривается: после событий с псевдо-Ахматовой вся коллекция Луценко, наполненная в том числе и подлинниками рукописей русских классиков начала XX в., несла на себе столь заметный шлейф дубиальности, что новые владельцы озаботились вопросом очищения доброго имени собирателя [Дружинин, 2023б, с. 38].

А чуть ранее еще более хлестко:

Середина 2010-х гг. знаменуется удивительной метаморфозой в текстологии Ахматовой: пользуясь разобщенностью научного сообщества, вопрос экспертизы берут в свои руки библиофилы, которые начинают активно публиковать рукописи Ахматовой. Лишенные научной методологии, а подчас и базовых знаний в данной области, но обладающие безграничным честолюбием, публикаторы оказываются бессильны в вопросах критики источников [Дружинин, 2023б, с. 37].

Попытаемся продемонстрировать, как в борьбе с фальсификатами автографов искажаются, а порой и фальсифицируются факты и позиции упоминающихся людей.

Почти десять лет назад, в 2014 г., нами был четко определен состав Ахматовианы А. М. Луценко на основе тщательного изучения материалов его собрания.

Уже тогда было сказано, что: 1) к концу жизни сам А. М. Луценко понимал серьезность аргументации оппонентов теории подлинности «архива Дилакторской»; 2) наше отрицательное отношение к этому архиву было сформировано также в те годы; 3) остальная часть Ахматовианы Луценко не подвергалась критике, за исключением двух-трех позиций, т. е. на 90 % принималась безоговорочно. Позволим себе еще одну цитату:

Примерно половина представленных в нашем издании автографов происходят из собрания известного петербургского библиофила и букиниста Аркадия Михайловича Луценко (1940–2008), всю свою жизнь посвятившего собиранию инскриптов и книжных редкостей Серебряного века. Громадная Ахматовиана собрания А. М. Луценко может быть поделена на две части. Первая из них – книги с автографами, открытки, фотографии с дарственными надписями, собиравшиеся десятилетиями день за днем. Она не вызывает сомнений, за исключением, может быть, каких-то единичных случаев. Вторая часть – рукописи, которые Аркадий Михайлович представлял как сохранившиеся в архиве писательницы, хорошей знакомой Ахматовой Н. Л. Дилакторской (1904–1989). Дискуссия об их подлинности ведется многие годы. Говоря словами самого Аркадия Михайловича, «резонанс пока отрицательный». Но точки над «i» окончательно не поставлены. Я же могу только сказать и о собственных противоречивых чувствах, рождающихся при чтении этих рукописей [Сеславинский, 2014, с. 7].

П. А. Дружинин пользуется известным методом вырывания из контекста цитат с целью убеждения читателя в отсутствии необходимой квалификации у ряда исследователей, которых он пытается критиковать. К большому сожалению, это граничит с непристойным поведением, принятым не в научной среде, а в дилерском сообществе, о принадлежности к которому так увлеченно рассказывает П. А. Дружинин в своих публикациях (см., например: [Дружинин, 2023а]).

Приведем еще одну цитату из его статьи:

Любопытно мнение библиофилов о роли ученых: «Многие собиратели тщательно скрывают имеющиеся у них автографы русских писателей и поэтов, справедливо полагая, что не опубликованный <!> инскрипт ценится гораздо выше. Тот же А. М. Луценко достаточно подробно рассказывал о том, как у него выуживались автографы, сетуя на то, что литературоведа не интересует история приобретения этого сокровища, перипетии его бытования. Цель – всё тотально публиковать, причем публиковать за своей подписью» [Сеславинский, 2014, с. 6]². Здесь поясним, что как раз научная публикация квалифицированным историком литературы, с предшествующим ей исследованием рукописи, в значительной мере является плотной для проникновения фальсификата в литературу вопроса; однако в приведенной цитате мы скорее видим иное – самооправдание библиофилов, которые решили «тотально публиковать, причем публиковать за своей подписью».

Печальный опыт А. М. Луценко их ничуть не смутил [Дружинин, 2023б, с. 37].

Попытка надменного поучения осуществлена не к месту и не по сути.

Ведь мы в своей публикации говорим лишь о дискуссии между рядом коллекционеров и исследователей применительно к первенству публикации, о чем уже упоминалось выше в цитате Е. Р. Обатниной. Вопрос касается не фальсификатов, а естественного желания библиофила контролировать процесс первой публикации принадлежащего ему автографа. Это четко написано в нашей статье, которую

² Имеется в виду издание: [Библиофильский венок Анне Ахматовой, 2014].

П. А. Дружинин внимательно изучил, но предпочел исказить суть тезиса. Для этого наше рассуждение препарировано и не цитируется полностью, ибо тогда читатель справедливо бы воскликнул: «Позвольте! Речь ведь идет совсем о другом!»

А наша мысль на самом деле выглядела так:

Значительная часть представляемых автографов не опубликована. Многие собиратели тщательно скрывают имеющиеся у них автографы русских писателей и поэтов, справедливо полагая, что не опубликованный инскрипт ценится гораздо выше. Тот же А. М. Луценко достаточно подробно рассказывал о том, как у него выуживались автографы, сетуя на то, что литературоведа не интересует история приобретения этого сокровища, перипетии его бытования. Цель – все тотально опубликовать, причем публиковать за своей подписью. Да и другие многие известные собиратели (тот же М. С. Лесман) при экспонировании тщательно закрывали часть автографов плотными бумажками, не читали их полностью вслух на публичных выступлениях и даже не давали исследователям в руки у себя дома. “Запомнят и опубликуют!”, – учили они библиофилов-неофитов. Мне также близка и точка зрения почтенного воронежского библиофила и литературоведа О. Г. Ласунского, который не устаёт восклицать: “Надо ведь что-то оставить и будущим поколениям исследователей!”

Так что решение о публикации фактически полного каталога моей Ахматовианы было непростым. Но, надеюсь, оно угодит и библиофилам, и ученым. Пусть это будет шаг навстречу друг другу. И прошу не судить строго за замеченные ошибки и неточности³.

Надеюсь, что разница в приведенных умозаключениях налицо.

После кончины А. М. Луценко его собрание, вопреки ложным утверждениям П. А. Дружинина, попало в разные руки. Часть была приобретена нами, кое-что – также упомянутым в статье (и тоже в негативном ключе) профессором кафедры высшей математики Сибирской аэрокосмической академии, доктором физико-математических наук Б. Н. Варавой [Славное десятилетие, 2021, с. 32], рядом московских крупных собирателей, чьи имена хорошо известны, но – из уважения к их желанию сохранить инкогнито – не будут здесь названы. Кроме того, 27 октября 2012 г. при поддержке издания «Про книги. Журнал библиофила» был проведен получивший масштабный резонанс аукцион «450 книг из собрания А. М. Луценко», название которого отсылает к его известному произведению «45 любимых книг» [Луценко, 2004]⁴. Согласитесь, что 450 книг – солидная часть любого собрания. По нашей приблизительной оценке, это примерно треть (или даже половина) всей библиотеки.

В предисловии к каталогу вдова собирателя Ольга Валерьяновна Луценко, также присутствовавшая на торгах, писала:

Книжное собрание Аркадия Михайловича Луценко было достаточно компактным – около 1000 изданий.

<...> Мой муж ушел из жизни рано и очень неожиданно. Но, тем не менее, судьбу библиотеки мы с дочерьми определяли, исходя из тех решений и обсуждений, которые происходили вместе с ним.

³ Поясним, что статья об автографах А. А. Ахматовой из нашего собрания вышла в один год в журнале «Про книги» [Сеславинский, 2014] и в качестве предисловия в альбоме [Библиофильский венок Анне Ахматовой, 2014].

⁴ См., например: <https://www.kommersant.ru/doc/2049734> (дата обращения 30.08.2023).

Значительная часть книг и автографов перешла в руки московских и петербургских библиофилов, и мы спокойны за их судьбу, ибо это люди, влюбленные в книгу и с пиететом относящиеся к собранию А. М. Луценко. Другая часть продолжает храниться в нашей семье, а вот третий сегмент библиотеки представлен в каталоге, который вы держите в руках. Это наш осознанный выбор. Отдать на библиофильские просторы 450 книг – это попытка дать им вторую жизнь и оставить память об Аркадии Михайловиче в десятках личных библиотек [450 любимых книг, 2012, с. 4–5].

В сохранившемся в архиве редакции протоколе аукциона зафиксировано, что покупателями книг было около 20 библиофилов из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России.

И, наконец, самое главное. Альбом Ахматовианы и так называемый архив Дилакторской до сих пор находятся в семье А. М. Луценко. Это нетрудно было выяснить, готова столь основательную публикацию, но П. А. Дружинин почему-то предпочел игнорировать данный факт. И это было серьезной ошибкой. Ведь добрая треть его статьи строится на тезисе о том, что новые владельцы (владелец) заново попытались ввести фальсификаты в научный оборот. Таким образом, обвинительный пафос оказывается ни на чем не основан. Фактически – это крах большей части аргументации П. А. Дружинина.

В свою очередь, хочу вновь выразить слова благодарности известным исследователям жизни и творчества А. А. Ахматовой, что уже делал в своих публикациях в 2014 г. [Библиофильский венок Анне Ахматовой, 2014; Сеславинский, 2014]. Это бывшая директор Музея А. А. Ахматовой в Фонтанном доме Н. И. Попова, исследователи Н. И. Крайнева, Р. Д. Тименчик, библиофил и библиограф Л. М. Турчинский (1933–2022). По иронии судьбы эти же фамилии звучат в публикации П. А. Дружинина, что лишь свидетельствует о том, что слова и мнения авторитетов могут толковаться по-разному, исходя из разных целей. Рассмотрим эту ситуацию более подробно на конкретных примерах.

Названные ученые во время личных встреч и бесед, а также в переписке настойчиво убеждали нас в фальсификации «архива Дилакторской», так что, повторюсь, тезис П. А. Дружинина о его переходе в другие (читай – наши) руки и стремление «вновь ввести в научный оборот» является не просто ошибочно ложным, но и сознательно искаженным.

В «Антикварной книге от А до Я» П. А. Дружинин утверждает, что неоднократно бывал в доме А. М. Луценко при его жизни и знает его коллекцию [Дружинин, 2023а, с. 491, 592]. Но если автор действительно основательно знаком с собранием Луценко, то сознательное искажение структуры его Ахматовианы является недобросовестным поведением.

Напомним еще раз: приобретения из «архива Дилакторской» и основное «тело» альбома «Ахматовиана» остались и до сих пор находятся в семье А. М. Луценко; остальное его собрание «разошлось» в разные руки.

Бесконечные намеки на коммерческий интерес нового владельца несостоятельны, и – по Фрейду – демонстрируют, что многолетняя работа автора в аукционно-торговом бизнесе затмевают поиск истины на основе реальных фактов.

В публикации П. А. Дружинина разделы, посвященные собранию А. М. Луценко, содержат критику ряда опубликованных после его смерти автографов А. А. Ахматовой. В ряде случаев автор ссылается на мнения экспертов, но в це-

лом не утруждает себя необходимостью привести хоть какие-то весомые аргументы:

«Не менее познавательна для текстолога публикация М. В. Сеславинского, который также не избегает пути обнародования откровенного фальсификата под видом подлинника – будь то инскрипт всё той же Н. Л. Дилакторской на номере журнала “Ленинград”, или к А. М. Розен (“Не знавала в жизни отрадней | наших тайных ночных бесед”, 1945) или же надпись под фотографией, адресованная И. Д. Ханцину, причем последний фотопортрет даже вынесен на обложку издания [Сеславинский, 2014, с. 108, 114, 124]» [Дружинин, 2023б, с. 38].

И это все? Ни одного аргумента? Это и есть научный подход текстолога? На наш взгляд, здесь не просто наблюдается неуважение к научным доказательствам, а демонстрируется антинаучный способ ведения дискуссии.

Эти инскрипты, как мы уже писали, не входят в состав «архива Дилакторской»⁵, поэтому хотелось бы, чтобы автор снизошел хоть до каких-то пояснений. Но, видимо, субъективные факторы затмевают логику работы исследователя.

Скажем больше: мы ни в коем случае не настаиваем на том, что в нашей коллекции (в том числе в приводимых примерах) нет фальсифицированных автографов. Они есть в любом крупном собрании инскриптов. Но в данном случае речь идет о предвзятом подходе, который ничем не лучше пресловутой фальсификации. Мы же, напротив, в постоянном общении с авторитетными специалистами стремимся найти истину, обсуждая каждый сомнительный случай.

Напомним нашу позицию, хорошо известную П. А. Дружинину, которую он замалчивает, обильно цитируя наш труд, но выдергивая из него отдельные фразы:

Простота и вариативность в разные годы почерка Анны Андреевны, обилие ее инскриптов, написанных за долгую жизнь, дают злоумышленникам благодатную почву для подделок. Знаменитая фраза Иосифа Бродского “Ты узнаешь меня по почерку”, на мой взгляд, к автографам Ахматовой как раз не очень подходит. Поэт использовала, конечно, преимущественно чернила и перьевую ручку, но встречаются и карандашные инскрипты, а в последние годы жизни – написанные шариковой ручкой. У Ахматовой, судя по моему опыту, не было характерных “маркеров” дарственных надписей, как, скажем, у М. И. Цветаевой (любовь к красным чернилам и подчеркивание надписи (даты и места написания) волнистой линией). Как правило, фальсификаторы, недолго думая, просто копируют известные автографы на другие издания. Подчас для маскировки в тексте меняется имя адресата. Иногда что-то выдумывается от себя, благо, что всем известно о лаконичности ахматовских автографов и широком использовании самых простых фраз. Борьба с преступниками, ничем не отличающихся в этом плане от фальсификаторов живописи, достаточно тяжело. Институт экспертизы в нашей стране плохо развит, многие коллекционеры не любят выносить сор из избы, так что всем этим и пользуются злоумышленники. Даже публичное обсуждение темы фальшивых автографов фактически отсутствует, хотя они с завидной регулярностью появляются на московских, претендующих на респектабельность аукционах [Библиофильский венки Анне Ахматовой, 2014, с. 6].

Мы бы могли (и то лишь теоретически) согласиться принять без доказательств мнение о подлинности автографов А. А. Ахматовой маститого специалиста, который досконально изучил ее жизнь и творчество, регулярно публикует результаты

⁵ Следует различать само наследие Дилакторской как таковое и «архив из собрания Луценко».

своих исследований и постоянно соприкасается с массивом автографов и рукописей поэта. Правда, такой специалист в научной публикации не позволит себе навскидку делить автографы на настоящие и фальшивые. Не стоит любому автору уподобляться персонажу известного анекдота, который по телефону решал, какая картошка – хорошая или плохая.

Мы не обнаружили иных публикаций П. А. Дружинина по «ахматовской» теме. Зато легко нашли продаваемый на популярных книготорговых сайтах экземпляр специально изготовленного оттиска анализируемой статьи «знаменитого эксперта в области библиографии, книговедению (!) и текстологии». Ничего личного: автор не только продолжает активно пропагандировать себя, но и делает из этого небольшой бизнес⁶.

Возможно, в его собрании хранится большое количество инскриптов поэта? Но в пафосном дорогом трехтомнике «Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева...» не содержится ни одного (!) автографа А. А. Ахматовой среди почти 850 представленных изданий [Музей книги, 2021]. Издание «Антикварная книга...» подтверждает это: формирование собрания шло в 1990-е гг., когда его владельцы работали в московском антикварном доме «Гелос» и стали «оставлять лучшие книги, которые проплывали мимо нас по житейскому морю», за исключением автографов начала XX в. [Дружинин, 2023а, с. 596].

От себя добавим, что в те тяжелые годы действительно продавалось за бесценок множество фамильных библиотек с настоящими книжными шедеврами. Но не стоило бы автору упоминать о том, что вместо открытой продажи на аукционной площадке он предпочитал оставлять себе с коллегой по этому бизнесу лучшие книги.

В данном издании мы находим также показательный пример уровня знаний автора об истории отечественной литературы XX в. Рассказывая об «обязательных» раритетах в собрании книг русских поэтов, П. А. Дружинин пишет: «Они свои для каждого из перечисленных авторов: если это А. Ахматова – то “Вечер” (1912); если А. Блок – то номерной раскрашенный экземпляр “Двенадцати” (1918), раскрашенный экземпляр поэмы “Иисус-младенец” (да сверх того, и чи-

⁶ См. информацию на сайте Alib.ru: Дружинин П. А. / Druzhinin P. Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии / Falsification of Anna Akhmatova's Manuscripts as Problem of Textual Criticism. Новосибирск, Институт филологии СО РАН, 2023 г. 52 с., илл. Мягкий целлофан. переплет, Энциклопедический формат. https://www.alib.ru/5_druzhinin_p_a_druzhinin_p_falnmnsifikaciya_rukopisej_anny_ahmatovoj_kak_aktualnmmnaya_problema_tekstolog_w1t765d903eb4ebf8384c1e60815f702f85172.html?ysclid=llkojuhe4039991041 (дата обращения 30.08.2023). Аннотация к этому лоту весьма красноречива: «В изданной ничтожно малым тиражом работе кандидата исторических наук Петра Александровича Дружинина, **знаменитого эксперта в области библиографии, книговедению и текстологии** (выделено нами. – М. С.), представлен обзор фальсификации рукописей великого русского поэта Анны Андреевны Ахматовой (1889–1966) за период с середины 1990-х гг., когда отмечено первое появление подделок ахматовских рукописей, до начала 2020-х. Предлагается периодизация фальсификатов различного происхождения, излагается история попыток их распознавания и воспрепятствования их проникновению в корпус наследия. Отдельный оттиск («Сюжетология и сюжетография», 2023, № 1, с. 26–68). 17 цветных фотоиллюстраций (псевдоавтографы А. Ахматовой) с подписями и резюме на русском и английском языках. Бумага мелованная. Тираж: 70 экз. Состояние: Отличное (нечитанный экземпляр)».

тинское переиздание последней); если Н. Гумилев – “Путь конкистадоров” (1905) и парижские “Романтические цветы” (1908) <...>» [Дружинин, 2023а, с. 234].

Тезис правильный, но зачем же приписывать поэму С. А. Есенина перу А. А. Блока? Упоминаемые редкие издания этой поэмы хорошо знакомы исследователям и библиофилам.

В итоге, свидетельств о том, что автор знаком *de visu* хоть со сколь-нибудь значимым массивом автографов А. А. Ахматовой, нами не обнаружено. Поэтому перейдем к анализу еще одного обвинительного тезиса, который требует пояснения и опровержения.

В третьем разделе своей статьи П. А. Дружинин пытается раскритиковать публикацию 2015 г., посвященную Ахматовиане А. М. Луценко, вновь начиная с фальсифицированного ложного посыла. Этот психологический прием, когда к месту и не к месту навязчиво упоминается информация, к которой должен прикинуть читатель (или слушатель), хорошо известен в теории пропаганды:

Основной корпус «Ахматовианы» А. М. Луценко сохранялся единым комплексом, и в 2015 г. была сделана попытка легализации этих рукописей. Причина просматривается: после событий с псевдо-Ахматовой вся коллекция Луценко, наполненная в том числе и подлинниками рукописей русских классиков начала XX в., несла на себе столь заметный шлейф дубильности, что новые владельцы озаботились вопросом очищения доброго имени собирателя. Речь идет о статье В. Н. Сажина «Мнимая и подлинная репутация: об А. М. Луценко и его “Ахматовиане”». Нельзя не усмотреть связь между проблематикой статьи и местом публикации (напечатана она в подчеркнуто ненаучном журнале): упомянутый выше коллекционер М. В. Сеславинский, тоже владелец коллекции «Ахматовианы», из которой «почти половина происходит из собрания Луценко», одновременно поименован в качестве председателя редакционно-издательского совета этого издания [Дружинин, 2023б, с. 38–39].

Начнем с «подчеркнуто ненаучного журнала» – периодического издания «Про книги. Журнал библиофила»⁷. Это единственный в России негосударственный библиофильский журнал, существующий с 2007 г. (периодичность выхода – 4 или 2 раза в год). По сроку издания он давно превысил дореволюционный «Русский библиофил» или другие частные проекты периодики Серебряного века («Мир искусства», «Аполлон», «Золотое Руно» и др.). На заре его деятельности П. А. Дружинин считал лестным для себя входить в состав редакционного совета и публиковаться там (отсылаем к № 1–3 за 2007 г. этого журнала). Но затем он был исключен из редсовета по этическим соображениям, о которых не будем распространяться в данной публикации.

Критикуя статью В. Н. Сажина и приводя эмоциональный и, что греха таить, грубоватый ответ на нее Р. Д. Тименчика, П. А. Дружинин опять-таки замалчивает часть правды. А ведь именно В. Н. Сажин написал как о сомнениях в подлинности «архива Дилакторской», так и о дискредитации подлинной части коллекции Ахматовианы из-за всех этих перипетий:

Напоследок расскажу о том, как Аркадий Михайлович сам повредил репутации своей «Ахматовианы». Сосредоточив внимание на автографах из архива Дилактор-

⁷ См.: Чистяков С. С. «Про книги» // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016); <https://old.bigenc.ru/literature/text/3178391> (дата обращения 30.08.2023).

ской, он отчасти дезориентировал тех, кто так или иначе обсуждал их подлинность. Но в его “Ахматовиане” немало число автографов, приобретавшихся из других рук и при других обстоятельствах. Перечислю для примера лишь некоторые: стихотворение “На пороге белом рая...” из архива писателя и журналиста В. Я. Ирецкого (1882–1936); объемистая машинописная копия “Поэмы без героя” с многочисленной правкой, а также россыпь машинописных фрагментов стихотворений Ахматовой с ее правкой и обозначением мест написания из архива писателя Л. Н. Рахманова (1908–1988); письмо писателю, переводчику, библиографу И. С. Поступальскому (1907–1989); фотографии с дарственными надписями писателю В. Я. Шишкову (1873–1945) и литературоведу и историку П. Е. Щеголеву (1977–1931); фото Ахматовой, сделанное сыном композитора Н. М. Стрельникова, музыковедом и педагогом Б. Н. Стрельниковым (р. 1921); заявление Ахматовой в Литературный фонд и другие ее автографы и документы. Все это тоже немалая и важная часть “Ахматовианы” Луценко, терпеливо дожидаящейся пытливого и непредвзятого исследователя» [Сажин, 2014, с. 73].

В завершении нашей статьи перейдем к критике методов определения подлинных и мнимых автографов поэта, которые используются в статье П. А. Дружинина. Сразу оговоримся, что наша задача не состоит в том, чтобы продемонстрировать, какие инскрипты – фальшивые, а какие – настоящие. Но будущих исследователей хотим предостеречь от использования сомнительных способов «автоэкспертизы», к которым настойчиво прибегает автор указанной нами статьи.

Начнем с общих вопросов, которые касаются не только творческого наследия А. А. Ахматовой, но и любых других исследований по этой теме.

1. Насколько корректно определять подлинность автографа, игнорируя установленное обязательное требование работы *de visu* с такими артефактами? На наш взгляд, это возможно лишь в отдельных случаях, когда дата, адресат, место написания и т. п. категорически противоречат биографии литератора. В статье П. А. Дружинина и его ссылках на точки зрения иных исследователей сплошь и рядом анализ строится лишь на изображениях на экране компьютера или печатных публикациях. В том числе и по этой причине мы воздержимся от категорических оценок тех или иных инскриптов, упоминаемых в статье, не держа их в руках.

2. Может ли текстолог опираться на данные экспертиз органов МВД и как именно? В статье П. А. Дружинина на них делается серьезный акцент, хотя в других публикациях его оценка прямо противоположна: «<...> подлинность приписываемой Пушкину дарительной надписи анекдотически удостоверяется “профессиональной почерковедческой экспертизой Экспертно-криминалистического центра МВД России”» (здесь речь идет о характеристике автографов из собрания библиофила В. В. Волкова [Музей книги, 2021, т. 1, с. XI]).

Опять-таки мы не возьмемся дискутировать о том, чем федеральный орган экспертизы хуже территориальных, но отметим, что, на наш взгляд, любой эксперт-криминалист должен *de visu* работать с массивом материалов.

Забавно, что в еще одной работе, вышедшей одновременно с анализируемой статьей, П. А. Дружинин также подвергает критике экспертизы «милицейского почерковеда» [Дружинин, 2023а, с. 549–550] на предмет подтверждения подлинности автографа. Но при этом безоговорочно соглашается, если такая же экспертиза эту подлинность опровергает. Для нас это выглядит не очень логично, но попробуем не углубляться в эту специфическую тему.

3. При определении подлинности автографа или рукописи имеет ли право исследователь руководствоваться своими субъективными рассуждениями и оценками, жизненным опытом и советами друзей?

Последний тезис носит несколько абстрактный характер, поэтому поясним его на примере аргументов, которые приводит в своей статье П. А. Дружинин, рассуждая об одном выставленном на торги аукционного дома «В Никитском» предмете:

<...> если это телефонная книжка, которая написана заново фальсификатором, то в ней нет телефонов врачей или машинисток, нет списков лекарств, но гарантированно присутствует пантеон из справочника Союза писателей, и в обязательном порядке – Иосиф Бродский, Фаина Раневская, Ольга Берггольц и прочие хрестоматийные имена [Дружинин, 2023б, с. 47].

В «Антикварной книге от А до Я» автор развивает этот бытовой тезис, добавляя в перечень необходимых фигурантов записной книжки сантехников, парикмахеров и даже электриков [Дружинин, 2023а, с. 498]. Мы не возьмемся проводить в данном случае серьезный почерковедческий анализ, но позволим себе удивиться подобной бытовой аргументации П. А. Дружинина. Она нам представляется несерьезной.

Какие телефоны врачей, сантехников и электриков он имел в виду? Мобильные? Билайн, МТС или МегаФон? Домашние? Московские или ленинградские? Напомним, что домашние телефоны были, мягко говоря, далеко не у всех деятелей медицины и, тем более, представителей сферы обслуживания.

Анна Андреевна Ахматова, как известно, не раз меняла адреса жительства и вряд ли, например, занималась вопросами починки выключателей или сантехники в квартире Ардовых на Большой Ордынке. А именно предметы из этого собрания исследует П. А. Дружинин.

Если уж зашла речь о бытовых коммуникациях, то напомним о существовании городских телефонных справочников, которые, как правило, и дополнялись рукописными пометками, скажем, именами сантехников рядом с телефоном ЖЭКа. Также существовали домашние тетради / записные книжки с нужными телефонами и адресами для всех членов семьи. Было принято и записывать перечень таких телефонов на отдельных листках...

И почему – позвольте полюбопытствовать – атрибутом подлинности *телефонной* записной книжки должно стать наличие или отсутствие в ней списка лекарств?

Подобные аргументы уместны в устном обсуждении аукционного предмета, но не имеют никакого отношения к текстологическому исследованию, которое тем самым дискредитируют, занижая планку научной дискуссии.

Почему-то в рассматриваемой статье автор не счел необходимым сделать ремарки, которые были бы весьма уместны и которые он активно использует в другой работе:

<...> мало у кого есть официальный статус Министерства культуры, чтобы на основании своих умозаключений делать окончательный вывод. (У автора этих строк подобного статуса нет, поэтому все наши рассуждения априори носят академический характер, и многочисленные фальсификаты, о которых мы говорим, являются таковыми не после квалифицированной экспертизы, а по нашему субъек-

тивному мнению, то есть ни читатель, ни кто другой нам не обязан верить) [Дружинин, 2023а, с. 301–302].

NB! Прежде чем изложить собственные мысли, еще раз предупредим: перед вами не некий официальный вывод, а сугубо личное авторское мнение или же крайне субъективное оценочное суждение, ничуть не посягающее на звание истины в последней инстанции [Там же, с. 486].

По всей видимости, при написании рассматриваемой нами статьи П. А. Дружинин понимал, что подобные (и вполне логичные) предупреждения читателя не подходят для публикации в научном журнале, который просто-напросто не принял бы такой материал в печать.

Экскурс «Телефонная книжка А. А. Ахматовой»

Дабы предложить исследователям принципиально иную парадигму работы с артефактами, имеющими спорное происхождение, мы предприняли некоторые усилия и получили в свое распоряжение данную записную книжку, анализ которой хотим предложить как специалистам, так и всем интересующимся читателям. Не делая никаких категорических выводов, просто осуществим попытку обзора данного предмета, который, на наш взгляд, в любом случае является интересным документом.

Общая характеристика:

Записная телефонная книжка, реализованная на торгах АД «В Никитском» (Аукцион № 130 от 20.12.2018 г., лот 318), размером 95 × 150 мм содержит 78 листов (156 стр.) с типографской разметкой «в клеточку» и алфавитным указателем (рубрикатором) латинскими буквами, часть из которых напечатаны красным цветом. Две буквы рубрикатора написаны от руки, по всей видимости, взамен вырванных листов. Передняя и задняя обложки выполнены из плотного картона бледно-синего цвета. Блок имеет скрепление в виде стальной (железной) пружины. Бумага соответствует как по текстуре, так и по характеру старения 1950–1960-м годам. На лицевой стороне обложки имеется отпечатанная золотой краской надпись “*Répertoire*” (записная книжка – *фр.*). Характер старения пружины, обложки и надписи на ней соответствуют характеру старения бумажного блока. В описании лота на торгах указано 80 с., что соответствует сумме листов блока и обложек. При описании в электронном каталоге эксперт пренебрег разницей между страницами и листами.

Судя по всему, записная книжка имеет европейское происхождение.

Текстовая часть:

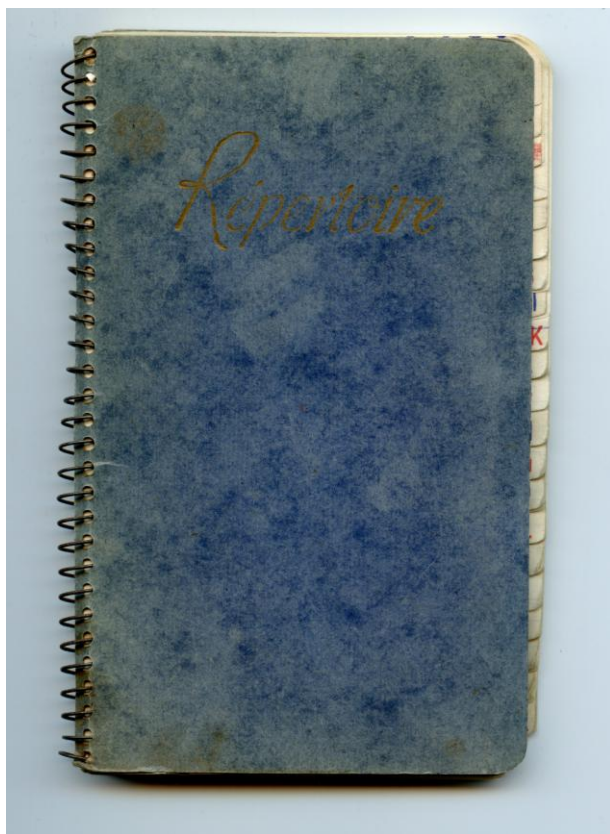
Из 156 страниц лишь 19 заполнены. На них расположены 63 записи. Лишь одна из них носит характер памятной записи. Остальные соответствуют функции записной книжки. Они весьма разнообразны. Порой это полностью указанные фамилии, имена и отчества. Иногда – лишь фамилии, иногда – имена и отчества, иногда – имена и фамилии. Встречаются имена и отчества в сокращенном виде. Фигурантами книжки являются лица, проживающие как в Москве, так и в Ленинграде. В 90 % случаев указание на город отсутствует. Лишь у семи лиц указаны домашние адреса. В некоторых случаях имеются памятные пометки, например:

Сюжеты и судьбы

«звонить с 9 до 11 или вечером». В ряде записей приводятся как домашние, так и служебные телефоны с указанием добавочных номеров.

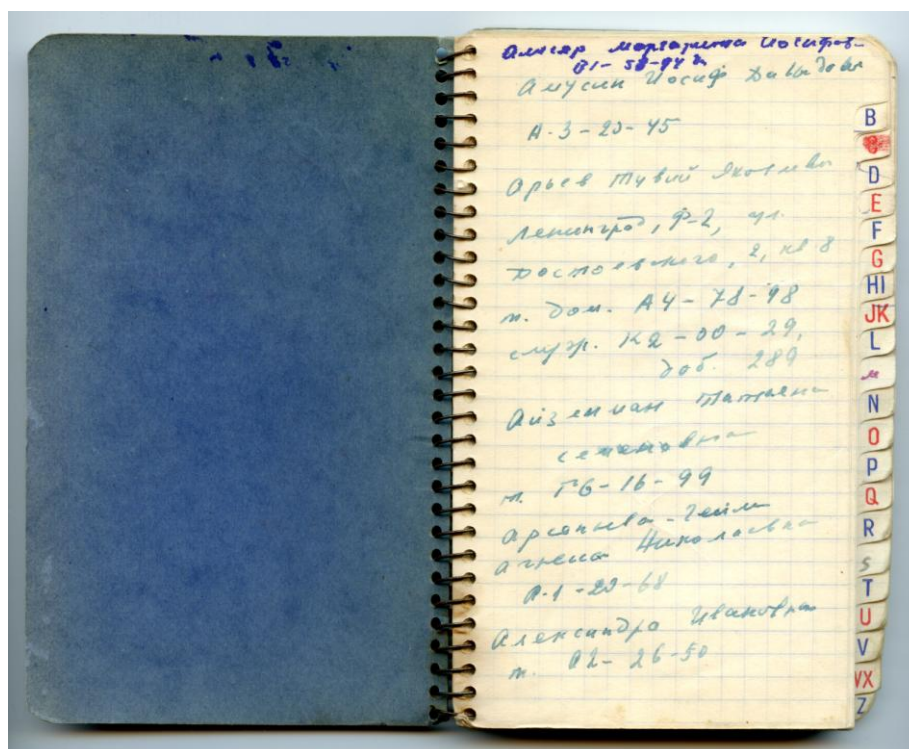
Записи выполнены чернилами четырех цветов. Назовем их в нисходящем в количественном отношении порядке: бледно-зеленые, бледно-синие, бледно-красные (бордовые), ярко-синие. В нескольких случаях наблюдаются разводы, чернильные пятна и отпечатки записей на противоположном листе (возникают при закрытии книжки, если чернила еще не просохли). Технологический анализ чернил не проводился, но общее субъективное впечатление соответствия записей эпохе середины XX в. у нас сложилось. Следов шариковой или гелевой ручки, а также туши нами не обнаружено.

Записи выполнены достаточно убогим однородным почерком, соответствующим формату записной книжки. По всей видимости, они оставлены примерно в одно и то же время. Предлагаем читателям воспроизведение некоторых страниц из этой телефонной книжки.

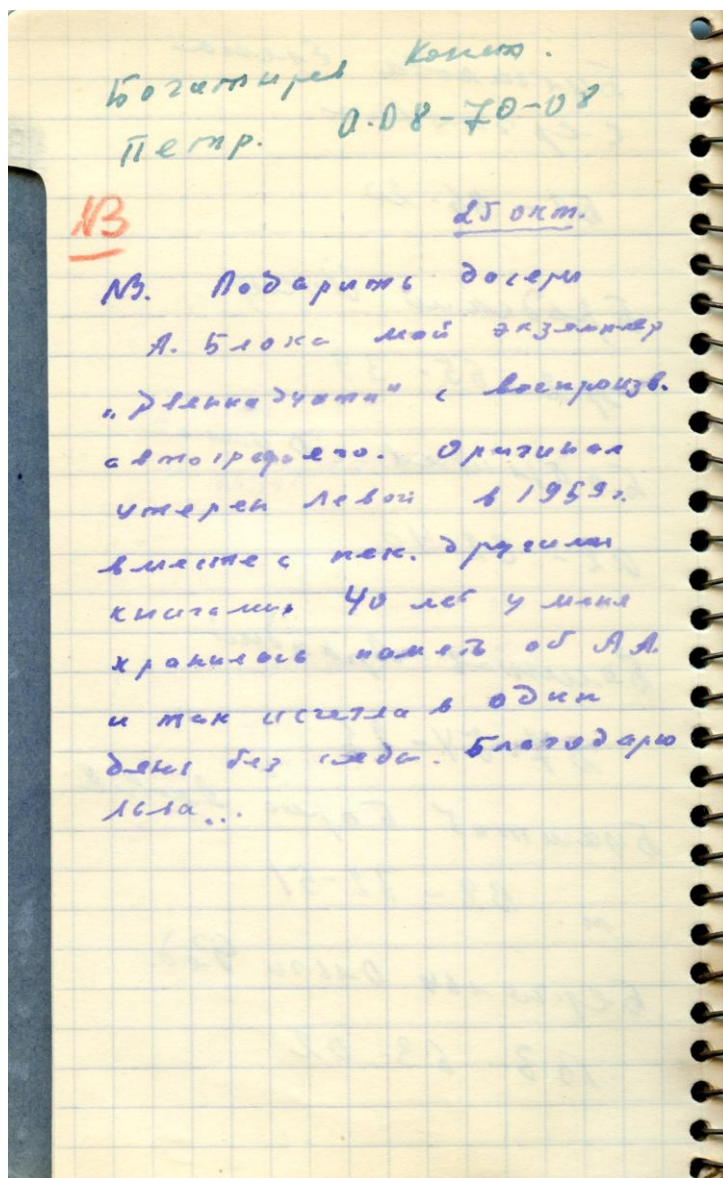

Телефонная книжка Анны Ахматовой (?).
Обложка

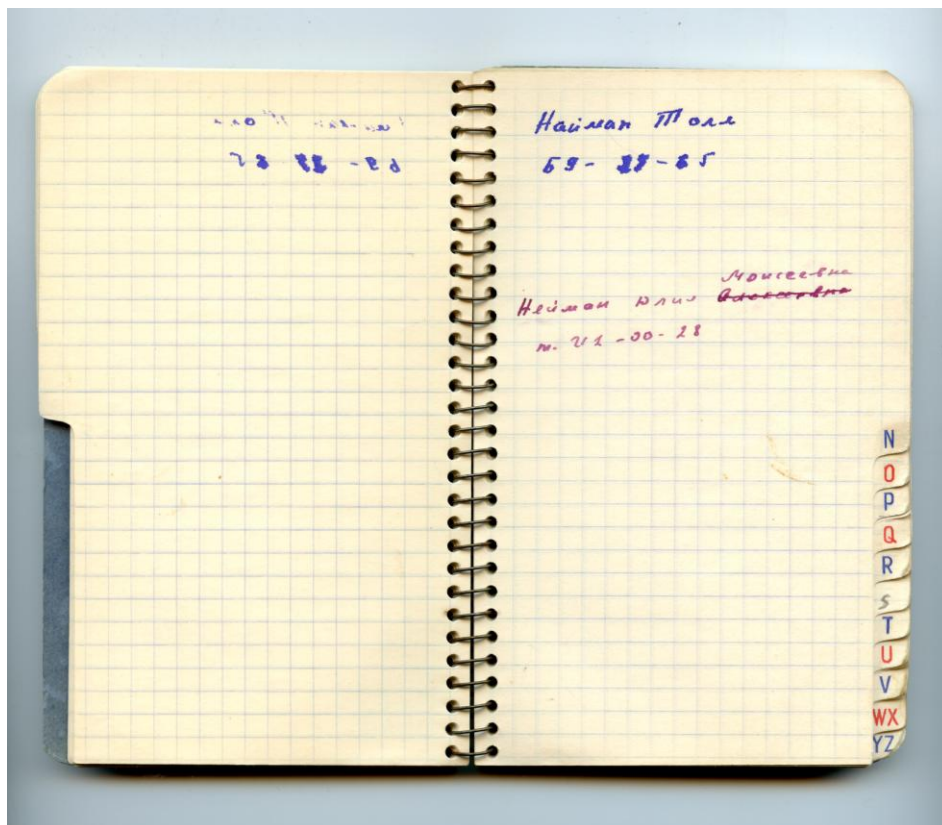
Anna Akhmatova's phone book (?).
Cover

Телефонная книжка Анны Ахматовой (?).
Вторая сторона обложки и записи на букву «А»
Anna Akhmatova's phone book (?).
The second side of the cover and entries with the letter "A"

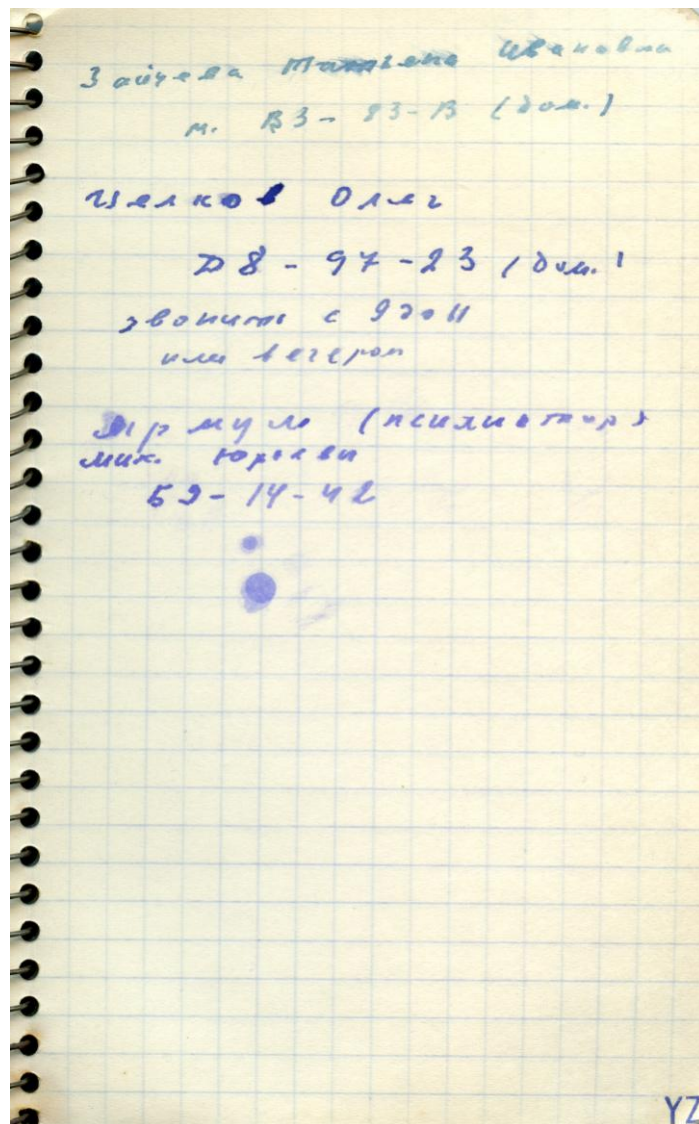

Телефонная книжка Анны Ахматовой (?).
Записи на странице с буквой «В»
Anna Akhmatova's phone book (?).
Entries on the page with the letter "B"

Телефонная книжка Анны Ахматовой (?).
Записи на букву «N»

Anna Akhmatova's phone book (?).
Entries with the letter "N"

Телефонная книжка Анны Ахматовой (?).

Записи на буквы «YZ»

Anna Akhmatova's phone book (?).

Entries with the letters "YZ"

Теперь поговорим о содержательной части, которую, по утверждению П. А. Дружинина, составляет «пантеон из справочника Союза писателей». И опять исследователь позволяет себе «обличать» артефакт, который не держал в руках.

Ибо в противном случае он вряд ли стал бы писать об отсутствии имен врачей в записной книжке. В частности, на последней странице как раз указан телефон Михаила Юрьевича Ярмуша, а в скобках добавлена помета («психиатр»). О нем мы читаем в воспоминаниях отца Михаила Ардова: «В 1971 году произошло мое сближение с Михаилом Юрьевичем Ярмушем. Мы уже знакомы были лет десять – он регулярно навещал Ахматову, она ценила его стихи. А по профессии он был психиатром. Дружба у нас с ним завязалась по той причине, что он, как и я, был “практикующим православным”»⁸.

Позволим себе предположить, что за перечнем ряда имен кроются не литераторы или художники, а разные знакомые Анны Андреевны. Некоторые из них не указаны даже по фамилиям (например, – Александра Ивановна (указан домашний телефон), другие (молодого возраста) без отчества – Муравьев Володя⁹ (домашний телефон), Минина Наташа (данные о персоналии не найдены, но указан адрес, близкий к квартире Ардовых – Ордынский тупик, 5а, кв. 21). Фактически версия о том, что фальсификатор просто переписал фамилии с адресами и телефонами из справочника Союза советских писателей тех лет не соответствует характеру материала записной книжки.

Если это умелая фальсификация, то скорее она сделана на основе опубликованных записных книжек А. А. Ахматовой 1958–1966 гг.¹⁰, где находятся фактически все присутствующие в анализируемой книжке персоналии.

Но нельзя исключать и вероятность того, что это подлинная вещь, ибо по публикациям о записных книжках поэта мы знаем, что таковых было достаточно много и заполнялись они подчас параллельно. Невозможно утверждать, что подаренная кем-то французская записная книжка стала заполняться именно Анной Андреевной, и ее можно присоединить к массиву из 23 опубликованных книжек, но и категорически исключать эту версию мы тоже не беремся. Приведем для примера резюме и описание одной из записных книжек из фондов РГАЛИ, которое схоже с анализируемым нами артефактом:

Внешний вид записных книжек Ахматовой весьма разнообразен. В большинстве своем это дешевые блокноты с листами, скрепленными спиральной проволокой, или обычные школьные тетради. Исключение представляют три книжки в изящных переплетах, подаренные Ахматовой друзьями, а также две объемистые тетради, вплетенные в переплеты от книг «Тысяча и одна ночь» и собрания сочинений М. Ю. Лермонтова <...>.

Записная книжка № 16 (ед. хр. 102). Книжка с алфавитом. Нескрепленные листы с перфорацией по краю, в желтой пластмассовой обложке. Бумага нелинованная. 8,0 × 12, 5. 45 л. Книжка использовалась в 1963–1965 гг., главным образом, для записи адресов и телефонов; вместе с тем в ней содержатся отдельные записи творческого и бытового характера¹¹.

⁸ https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/doveski.html (дата обращения 30.08.2023).

⁹ См.: <https://rusmysl.ru/2002II/4406/440627apr25.html> (дата обращения 30.08.2023).

¹⁰ См. публикацию «Записных книжек» в электронном варианте: https://imwerden.de/pdf/akhmatova_zapisnye_knizhki_1996__ocr.pdf?ysclid=ll0z42sao7107209417 (дата обращения 30.08.2023).

¹¹ https://imwerden.de/pdf/akhmatova_zapisnye_knizhki_1996__ocr.pdf?ysclid=ll0z42sao7107209417 (с. XV, 323) (дата обращения 30.08.2023).

В нашей книжке на странице с буквой рубрикатора «В» имеется одна содержательная запись, которую имеет смысл привести целиком:

25 окт. NB. Подарить дочери А. Блока “Двенадцать” с воспроизв. автограф. его. Оригинал утеряневой в 1959 г. вместе с нек. другими книгами. 40 лет у меня хранилась память об А. А. и так исчезла в один день без следа. Благодарю Лева...

Если перед нами оригинальный документ, то указанная дата позволяет отнести его к началу 1960-х гг. Содержание записи нами в целях настоящего узко тематического исследования не анализируется.

В завершении данного экскурса необходимо сказать несколько слов о провенансе записи книжки. Традиционно аукционные дома не раскрывают имя сдатчика предмета, но в данной ситуации мы имеем дело с несколькими иными обстоятельствами. В 2017 г. в здании АД «В Никитском» состоялось знаменательное событие, которое так описывается на его сайте (приходится привести достаточно объемную цитату):

21 февраля 2017 года в Доме антикварной книги «В Никитском» состоялось торжественное открытие мемориального пространства «Московский дом Ахматовой». Эта постоянно действующая экспозиция стала первым в мире литературным музеем, созданным аукционным домом.

Среди гостей были представители почти всех литературных музеев Москвы, коллекционеры, искусствоведы, историки литературы, художники – давние друзья Аукционного дома «В Никитском»; представители Московского государственного университета, Университета печати, Комитета по делам печати, Комитета по культуре Государственной Думы РФ – все те, кто поддерживал наш проект и с нетерпением ждал открытия музея и, конечно, клан Ардовых, во главе с писателем отцом Михаилом, последним секретарем поэтессы <версия Аукционного дома. – М. С.>.

Проект рассчитан на воссоздание памяти о Времени и Людях, населявших этот Дом, и уже с первых месяцев работы над ним, начал активно пополняться предметами интерьера «легендарной Ордынки», как именовала квартиру сама Ахматова; книгами и рисунками, напрямую связанными с разными периодами жизни великого поэта XX века.

День за днём из пожертвованных вещей и документов постепенно складывалось то, что теперь по праву мы можем назвать мемориальным пространством, в котором резной столик из детской, ставший рабочим столом поэта, соседствует с Чернильницей, а пишущая машинка, на которой были впервые отпечатаны первые машинописные тексты «Поэмы без героя» и «Реквиема» – с просторным диваном и креслами, где сживали знаменитые гости ардовской квартиры.

С этой звездной плеядой литературных представителей отечественной культуры связана библиотека семьи Ардовых, также поступившая к нам. Это собрание книг, среди которых тома, подаренные Ардову и Ахматовой, книги, бывшие в руках поэтов и историков; книги, собрание которых обладает самостоятельной культурной и духовной ценностью¹².

Уже после этого события ряд инскриптов и меморий поэта из собрания отца Михаила Ардова было реализовано на аукционах: иногда с указанием на происхождение, а иногда без оногo.

¹² <https://vnikitskom.ru/moskovskij-dom-ahmatovoj/?ysclid=1lp2t3tibo645726170> (дата обращения 30.08.2023).

Напомним, что Михаил Викторович Ардов (род. 1937) – русский писатель, публицист; протоиерей. Сын писателя Виктора Ардова и актрисы Нины Ольшевской, родной брат Бориса Ардова и единоутробный брат Алексея Баталова. Автор ряда книг («Вокруг Ордынки», «Легендарная Ордынка. Портреты» и др.). Все-таки данный провенанс заставляет как минимум с должным вниманием и уважением относиться к реализованным на аукционах предметам – вне зависимости от окончательных выводов.

П. А. Дружинин ссылается на то, что ряд подлинных автографов и рукописей А. А. Ахматовой снабжались в середине 2000-х гг. собственноручными расписками М. В. Ардова, коими не сопровождаются предметы, реализованные в конце 2010-х гг. (имеют лишь его экслибрис). Данное рассуждение, на наш взгляд, также носит исключительно субъективный характер. Оно может быть правильным, но с такой же вероятностью – абсолютно неверным.

Как нам пояснили сотрудники АД «В Никитском», ближе к 2020 г. М. В. Ардов был очень болен и с трудом добирался до офиса аукциона. Почему он уже не писал расписки – можно только гадать или спросить у него самого.

Очевидно, что вряд ли можно заподозрить священнослужителя в столь почтенном возрасте в фальсификации автографов и рукописей А. А. Ахматовой. Теоретически это мог быть кто-то из его окружения, но позволим себе сохранить чистоту жанра и не заниматься подобного рода предположениями.

П. А. Дружинину следовало бы повторить фразу, которую он напечатал в «Антикварной книге от А до Я», повторяя свои рассуждения о наследии Ардовых как сомнительном источнике, но уже не стесняясь сказать о собственной субъективности:

Подытожу я следующим. Конечно, кому-то автограф “нравится”, и этот кто-то считает его подлинным. Другой человек, особенно с таким запасом аргументов Адвоката дьявола, как ваш покорный слуга, может настолько сильно зайтись в своих подозрениях, что выплеснет с водой и ребенка, то есть подлинный автограф будет считать фальсификатом. Сколько людей – столько и мнений [Дружинин, 2023а, с. 500].

* * *

Вернемся к опубликованному анализу инскриптов А. А. Ахматовой, о которых, повторимся, П. А. Дружинин прежде в своих работах не писал и многие из которых, как мы доказываем, не держал в руках. Заявления, что они – фальшивые, сплошь и рядом либо обходятся без научных аргументов, либо приводятся со ссылкой на мнение авторитетных ученых. И здесь также приходится дать комментарии.

Во-первых, как сам Дружинин пишет в первой части своей статьи, многие именитые ученые порой ошибаются, даже когда имеют дело с автографами А. С. Пушкина. Ничего зазорного в этом нет, важно лишь быть открытым для анализа и последующих выводов. Мы же не обвиняем автора в злоумышленных искажениях правды, когда он, именуя себя опытным экспертом по изучению «эстампов самого разного возраста и техники исполнения – от классических гравированных листов XV века до уже современных офсетных постеров» приписывает «единственный в мире экземпляр выдающегося памятника» литографированного плаката Эль Лисицкого «Клином красным бей белых» (фонды Российской государственной библиотеки) к творческому наследию Казимира Малевича (!) [Дру-

жинин, 2023а, с. 44, 163]. Ошибка грубая, но еще раз подтверждающая то, что не следует считать себя экспертом в чрезмерно большом количестве областей.

Во-вторых, позиции известных ученых так препарируются П. А. Дружининым, что это недопустимо как с этической, так и с профессиональной точки зрения. Вот лишь несколько примеров.

В основном, автор опирается на мнение уже упомянутого выше известного исследователя жизни и творчества поэта, авторитетного литературоведа Романа Давидовича Тименчика, с которым мы тоже имеем честь быть знакомыми, а также на чьи консультации опирались в ряде своих работ. Но посмотрим, как это выглядит текстуально.

П. А. Дружинин приводит цитату Р. Д. Тименчика с весьма корректной позицией:

У меня, например, в упомянутой книге Варавы *вызвали сомнения* <курсив мой. – М. С.> надпись на Четках “Хорошему Л. И. на память Ахматова 1928 г.” <...> *И не до конца уверен* <курсив мой. – М. С.> в надписи “Моей Кохиноре. 8.П.26”. И, несомненно, не рука Ахматовой – “Люсе” 1926 г., надпись Сергею Спасскому 1939 года, стихотворение «Надпись на “Подорожнике”» <...> – все подделки [Тименчик, 2014].

Или:

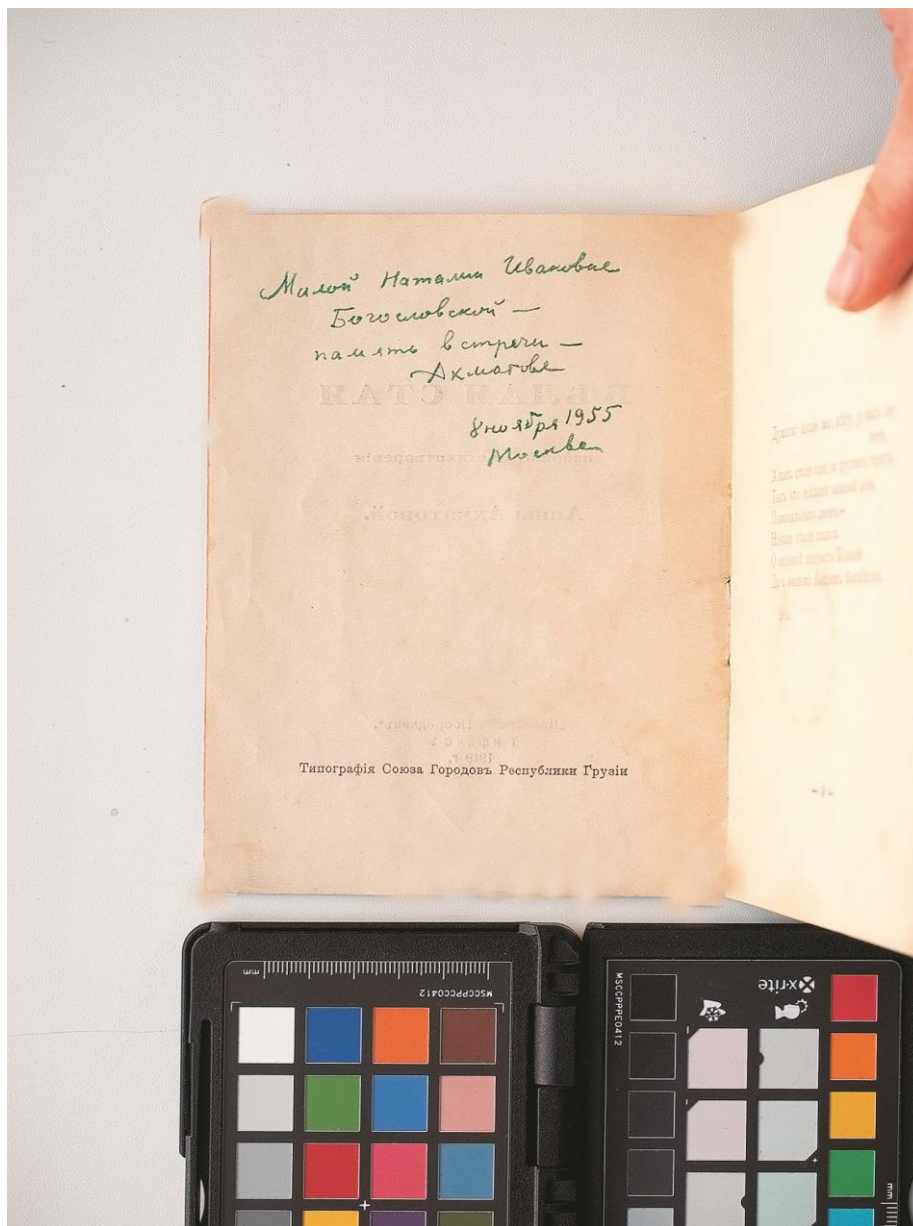
<...> у меня по почерку *возникло сомнение* <курсив мой. – М. С.> в принадлежности ее ахматовской руке, так что во втором издании я ее из своего текста справки о взаимоотношениях Ахматовой и Лавренева снимаю [Там же].

А подводка Дружинина к этим сомнениям ученого, которые не исключают на 100 % вероятность подлинности некоторых автографов, но очень взвешенно демонстрируют его отрицательную позицию, – носит обличительный характер: «Во-первых, это книга сибирского библиофила Б. Н. Варавы, который под видом автографов Ахматовой публикует надписи, *не имеющие к ней никакого отношения, либо же сознательные фальсификаты* <курсив мой. – М. С.> в своей книге библиофильской прозы [Варава, 2013, с. 15, 103, 129, 167, 302]». Имеется в виду его «Воспоминания сибирского книжника и антиквара (в поисках Серебряного века)» [Варава, 2013].

Мы также не очень понимаем все тот же обвинительный тон при анализе ряда наших высказанных сомнений по некоторым инскриптам поэта в «Библиофильском венке Анне Ахматовой». Например: «Два одинаковых автографа, происходящих из одного собрания, наводят на неприятные размышления. Какой из автографов является фальшивым, должны сказать специалисты» [Сеславинский, 2014, с. 163]¹³. Однако оба инскрипта Богословской – подлинные; и мнение специалистов в данном случае вполне однозначно (поблагодарим Р. Д. Тименчика как специалиста за его авторитетное мнение)».

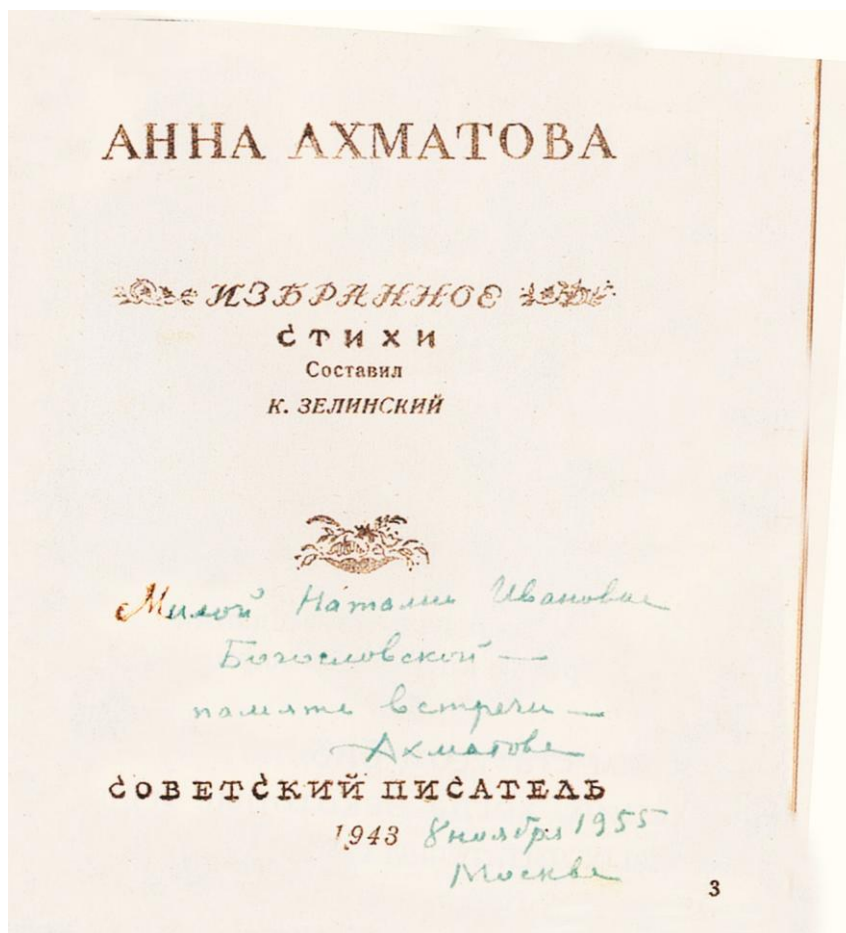
Для подтверждения наших сомнений приводим изображения обоих автографов.

¹³ Имеется в виду издание: [Библиофильский венок Анне Ахматовой, 2014].

Автограф Анны Ахматовой (?) Н. И. Богословской 8 ноября 1955 г.
на обороте титульного листа сборника «Белая стая» (Тифлис, 1919)
из собрания Б. Н. Варавы

The autograph of Anna Akhmatova (?) to N. I. Bogoslovskaya on November 8, 1955
on the back of the title page of the collection “White Flock” (Tiflis, 1919)
from the collection of B. N. Varava

Автограф Анны Ахматовой (?) Н. И. Богословской 8 ноября 1955 г.
на титульном листе сборника «Избранное» (М.: Сов. писатель, 1943)
из собрания Б. Н. Варавы

Autograph of Anna Akhmatova (?) to N. I. Bogoslovskaya on November 8, 1955
on the title page of the collection "Favorites" (M.: Soviet writer, 1943)
from the collection of B. N. Varava

Мы тоже благодарим за переданное через П. А. Дружинина авторитетное мнение Р. Д. Тименчика, но в научной статье вновь хотелось бы услышать хоть один весомый аргумент. Такие же оценочные суждения мы читаем и применительно к иным нашим изысканиям, в которых мы вновь и вновь повторяем свои оговорки, которые искажаются П. А. Дружининым:

Раздел «Загадки разгаданные и неразгаданные» содержит ряд отчетливых примеров фальшивых автографов, но ряд предметов являются дискуссионными и представляются нами не с целью побудоражить умы ахматоведов, а с искренним же-

лением найти ответы на поставленные вопросы. В процессе подготовки настоящего издания я сталкивался с предложениями данный раздел исключить, чтобы не засорять описание собрания. Что можно сказать?.. Собрание такое, как оно есть. Сформированное за разные годы из разных источников. Сорные травы в венке, вспомнившая хрестоматийные строки самой Ахматовой, на мой взгляд, также нужны, как розы, герберы и хризантемы. Посмотрим, что из них вырастет... [Библиографический венок Анне Ахматовой, 2014, с. 6].

Так что, не «произведя по собственному произволу экспертизу ахматовских рукописей, публикаторы сочли фальсификаты подлинниками, а подлинники – фальсификатами» [Дружинин, 2023б, с. 38], а высказали гипотезы, изначально оговорившись, что ряд из них могут быть ошибочными.

Упомянем также еще раз, что при подготовке работы «Библиофильский венок Анне Ахматовой» мы постоянно находились в процессе консультаций с Р. Д. Тименчиком. В архиве электронной переписки обнаружено около 100 (!) писем друг к другу, относящихся к первой половине 2014 г., когда шла подготовка к 125-летию А. А. Ахматовой и выходу нашего исследования. Все замечания исследователя были мной учтены. Более того, Роман Давидович присутствовал на презентации этого альбома 28 июня 2014 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме и даже выступал на ней [Славное десятилетие, 2021, с. 166]¹⁴.

Презентация проходила в период проведения общего собрания членов Национального союза библиофилов¹⁵. Свое выступление профессор Р. Д. Тименчик как раз посвятил автографам поэта в частных собраниях и проблемам их фальсификации. Также мы встречались и переписывались неоднократно после этого события, и никаких категорических новых замечаний по своей работе я не получал. Конечно, за 10 лет точка зрения по отдельным вопросам может поменяться, ничего страшного в этом не вижу. Но позволю себе не доверять интерпретациям его позиций в изложении П. А. Дружинина. Упомянем также, что на этой же презентации выступала в то время директор музея, известный исследователь Н. И. Попова, с которой мы тоже советовались по данным вопросам.

Впрочем, нами опубликована подробная статья «Книжные фальшивки и подделки» [Сеславинский, 2010], а также ряд заметок на эту тему, так что позволим себе остановиться в теоретизировании в этом направлении.

К сожалению, актуальность нашей статьи во многом вызвана тем, что в последующих работах П. А. Дружинин продолжает активно публиковать свои не соответствующие действительности построения, используя подчас все более и более оскорбительную и вульгарную тональность.

Заключение

Творческое наследие А. А. Ахматовой настолько велико, что значительные его фрагменты присутствуют не только в государственных, но и в частных собраниях.

¹⁴ Итоги V Общего собрания членов НП «Национальный союз библиофилов» // Библиофильские известия. 2014. № 22. С. 70–71.

¹⁵ Сквозящая в статье неприязнь к библиофилам требует ремарки о том, что П. А. Дружинин не входит и никогда не входил в отечественные библиофильские объединения. Не вдаваясь в пояснение этой ситуации, оставим стилистические эскерсисы по нашему поводу на совести автора.

При этом в процессе атрибуции ее рукописей и автографов возникают споры и различные толкования аргументов в пользу их подлинности. В данной ситуации важна объективная позиция исследователей, свободная от эмоций и субъективных факторов, а дискуссии по этой теме должны вестись корректным способом. Мы искренне сожалеем о том, что стиль публикаций П. А. Дружинина не позволил нам избежать эмоциональных и публицистических элементов риторики, которые, конечно, не вполне соответствуют научному характеру журнала.

Список литературы

Алексей Михайлович Ремизов: библиография (1902–2013) / Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 832, [1] с.: цв. ил., портр.

Библиофильский венок Анне Ахматовой: к 125-летию со дня рождения: автографы в собрании М. Сеславинского / [Авт.-сост. Михаил Сеславинский]. М.: Про книги: Журнал библиофила, 2014. 175 с.: ил., портр., факс., цв. ил. портр. + 1 прил. (11 л. автогр.).

Библиофильский венок М. И. Цветаевой: автографы и мемориальные предметы из собраний Л. А. Мнухина и М. В. Сеславинского: к 125-летию со дня рождения поэта: [альбом-каталог] / [Вступ. ст., сост. Лев Мнухин, Михаил Сеславинский]. М.: Бослен, 2017. 207 с.: ил., портр., факс., цв. ил., портр.

Варава Б. Н. Воспоминания сибирского книжника и антиквара (в поисках Серебряного века). М.: Среди коллекционеров, 2013. 303 с.

Дружинин П. А. Антикварная книга от А до Я, или Пособие для коллекционеров и антикваров, а также для всех любителей старинных книг. М.: НЛО, 2023а. 608 с.

Дружинин П. А. Фальсификация рукописей Анны Ахматовой как актуальная проблема текстологии // Сюжетология и сюжетография. 2023б. № 1. С. 26–68.

Инскрипты А. М. Ремизова из коллекции А. М. Луценко / Сост., предисл. В. А. Вуль. СПб.: Эхо, 1993. 50, [1] с.: ил., факс.

Искусство автографа: инскрипты писателей и художников в частных собраниях российских библиотек: В 2 т. / Сост. Михаил Сеславинский. М.: Бослен, 2015. Т. 1: А–И. 375 с.: ил., портр., факс., цв. ил.; Т. 2: К–Я. 549 с.: ил.

Кузмин М. А. Стихотворения / [Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Н. А. Богомолова; худож. В. В. Еремин]. СПб.: Академический проект, 1996. 830, [1] с.: ил., факс. (Новая библиотека поэта)

Луценко А. М. 45 любимых книг (о некоторых раритетах моей библиотеки). СПб.: КЛЕО, 2004. 95 с., [20] л. ил., портр., цв. ил., факс.

Луценко А. Ленинградское общество библиофилов (Л.О.Б.): краткая история в иллюстрациях. СПб.: КЛЕО, 2007. 78, [1] с., [18] л. ил., цв. ил., портр., факс.

Луценко А. М. Опаленный Серебряным веком: рассказ о создании уникального книжного собрания, о встречах с интересными людьми, а также воспоминания некоторых из них об авторе. СПб.: КЛЕО, 2010. 197, [3] с., [23] л. ил., портр.

Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева = Pyotr Druzhinin's and Alexander Sobolev's rare book collection: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV – начала XX века: В 3 т. М.: Слово / Slovo, 2021. Т. 1. XXVI, 435, [6] с. ил., портр., факс; Т. 2. 457, [6] с.; Т. 3. 519, [8] с.

Обатнина Е. Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 382, [1] с., [24] л. цв. ил., факс.: цв. ил., портр., факс.

Сажин В. Н. Мнимая и подлинная репутация: об А. М. Луценко и его «Ахматовиане» // Про книги. Журнал библиофила. 2015. № 2. С. 62–73.

Сеславинский М. В. Библиофильский венок Анне Ахматовой // Про книги. Журнал библиофила. 2014. № 2. С. 4–21.

Сеславинский М. В. Книжные фальшивки и подделки // Про книги. Журнал библиофила. 2010. № 2. С. 25–33.

Славное десятилетие: Национальный союз библиофилов в портретах и событиях, 2010–2020 / Сост. М. В. Сеславинский. М.: Изд-во Столяровых, 2021. 541, [2] с.: цв. ил.

450 любимых книг из собрания библиофила А. М. Луценко: каталог антикварно-букинистического аукциона (27 октября 2012 года, 12:00, Центральный дом журналистов, Белый зал, Москва, Никитский бульвар, 8а). М., 2012. 244 с.: цв. ил. (Про книги: Журнал библиофила).

References

Aleksey Mikhaylovich Remizov: bibliografiya (1902–2013) [Alexey Mikhailovich Remizov: Bibliography (1902–2013)]. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy akademii nauk; avtory-sostaviteli E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom, 2016. 832, [1] p., tsv. il., portr. (in Russ.)

Bibliofil'skiy venok Anne Akhmatovoy: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya: avtografiy v sobranii M. Seslavinskogo [Bibliophile wreath to Anna Akhmatova: to the 125th anniversary of her birth: autographs in the collection of M. Seslavinsky]. [Avt.-sost.: Mikhail Seslavinskiy]. Moscow, Pro knigi: Zhurnal bibliofila, 2014. 175 p., il., portr., faks., tsv. il. portr. + 1 pril. (11 l. avtogr.). (in Russ.)

Bibliofil'skiy venok M. I. Tsvetaevoy: avtografiy i memorial'nye predmety iz sobraniiy L. A. Mnukhina i M. V. Seslavinskogo: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya poeta [Bibliophile wreath of M. I. Tsvetaeva: autographs and memorial items from the collections of L. A. Mnukhin and M. V. Seslavinsky: to the 125th anniversary of the poet's birth]: [al'bom-katalog] / [vstup. st., sostavlenie Lev Mnukhin, Mikhail Seslavinskiy]. Moscow, Boslen, 2017. 207 p., il., portr., faks., tsv. il., portr. (in Russ.)

Varava B. N. Vospominaniya sibirskogo knizhnika i antikvara (v poiskakh Serebryanogo veka) [Memoirs of a Siberian scribe and antiquarian (in search of the Silver Age)]. Moscow, Sredi kollektzionerov, 2013, 303 p. (in Russ.)

Druzhinin P. A. Antikvarnaya kniga ot A do Ya, ili Posobie dlya kollektzionerov i antikvarov, a takzhe dlya vseh lyubiteley starinnykh knig [An antique book from A to Z, or a manual for collectors and antiquarians, as well as for all lovers of old books]. Moscow, NLO, 2023, 608 p. (in Russ.)

Druzhinin P. A. Falsification of Anna Akhmatova's manuscripts as an actual problem of textual criticism. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 1, pp. 26–68. (in Russ.)

Inskripty A. M. Remizova iz kolleksii A. M. Lutsenko [A. M. Remizov's manuscripts from the collection of A. M. Lutsenko]. Sostavlenie, predislovie V. A. Vul'. St. Petersburg, Ekho, 1993. 50, [1] p.: il., faks. (in Russ.)

Iskusstvo avtografa: inskripty pisateley i khudozhnikov v chastnykh sobraniyakh rossiyskikh bibliotek [Art autographs: scripts of writers and artists in private collections of Russian libraries]. In 2 vols. Sost. Mikhail Seslavinskiy. Moscow, Boslen, 2015, vol. 1: A–I, 375 p.: il., portr., faks., tsv. il.; vol. 2: K–Ya, 549 p.: il. (in Russ.)

Kuzmin M. A. Stikhotvoreniya [Poems]. [Vstup. st., sost., podgot. teksta i primech. N. A. Bogomolova; Khudozh. V. V. Eremin]. St. Petersburg, Gumanitar. agentstvo “Akad. proekt”, 1996, 830, [1] p.: il., faks. (Novaya biblioteka poeta). (in Russ.)

Lutsenko A. M. 45 lyubimykh knig (o nekotorykh raritetakh moyey biblioteki) [45 favorite books (about some rarities of my library)]. St. Petersburg, KLEO, 2004, 95 p., [20] l. il., portr., tsv. il., faks. (in Russ.)

Lutsenko A. Leningradskoe obshchestvo bibliofilov (L.O.B.): kratkaya istoriya v illyustratsiyakh [Leningrad Society of Bibliophiles (L.O.B.): a brief history in Illustrations]. St. Petersburg, KLEO, 2007, 78, [1] p., [18] l. il., tsv. il., portr., faks. (in Russ.)

Lutsenko A.M. Opalenny Serebryanym vekom: rasskaz o sozdanii unikal'nogo knizhnogo sobraniya, o vstrechakh s interesnymi lyud'mi, a takzhe vospominaniya nekotorykh iz nikh ob avtore [Scorched by the Silver Age: a story about the creation of a unique book collection, about meetings with interesting people, as well as memories of some of them about the author]. St. Petersburg, KLEO, 2010, 197, [3] p., [23] l. il., portr. (in Russ.)

Muzey knigi Petra Druzhinina i Aleksandra Soboleva [Pyotr Druzhinin's and Alexander Sobolev's rare book collection]: annotirovanny nauchnyy katalog vydayushchikhsya pamyatnikov pis'mennosti XV – nachala XX veka [annotated scientific catalog of outstanding monuments of writing of the 15 – early 20 century]. In 3 vols. Moscow, Slovo / Slovo, 2021, vol. 1. XXVI, 435, [6] p. il., portr., faks; vol. 2, 457, [6] p.; vol. 3, 519, [8] p. (in Russ.)

Obatnina E. R. Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh [King Asyka and his subjects: A. M. Remizov's Great Monkey and Free Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakha, 2001. 382, [1] p., [24] l. tsv. il., faks.: tsv. il., portr., faks. (in Russ.)

Sazhin V. N. Mnimaya i podlinnaya reputatsiya: ob A. M. Lutsenko i ego “Akhmatoviane” [Imaginary and genuine reputation: about A.M. Lutsenko and his “Akhmatoviana”]. *Pro knigi. Zhurnal bibliofila* [About books: Magazine for the bibliophile], 2015, no. 2, pp. 62–73. (in Russ.)

Seslavinskiy M. V. Bibliofil'skiy venok Anne Akhmatovoy [Bibliophile wreath to Anna Akhmatova]. *Pro knigi. Zhurnal bibliofila* [About books: Magazine for the bibliophile], 2014, no. 2, pp. 4–21. (in Russ.)

Seslavinskiy M. V. Knizhnye fal'shivki i poddelki [Book forgeries and forgeries]. *Pro knigi. Zhurnal bibliofila* [About books: Magazine for the bibliophile], 2010, no. 2, pp. 25–33. (in Russ.)

Slavnoe desyatiletie: natsional'nyy soyuz bibliofilov v portretakh i sobyitiyakh, 2010–2020 [The Glorious Decade: The National Union of Bibliophiles in portraits and events, 2010–2020]. Sost. M. V. Seslavinskiy. Moscow, Izd-vo Stolyarovykh, 2021, 541, [2] s.: tsv. il. (in Russ.)

450 lyubimykh knig iz sobraniya bibliofila A. M. Lutsenko: katalog antikvarno-bukinisticheskogo auktsiona [450 favorite books from the collection of bibliophile A.M. Lutsenko: catalog of antique and second-hand book auction] (27 oktyabrya 2012

Сеславинский М. В. Об этике и точности исследователя

goda, 12:00, Tsentral'nyy dom zhurnalistov, Belyy zal, Moskva, Nikitskiy bul'var, 8a).
Moscow, 2012, 244 p., tsv. il. (Pro knigi: Zhurnal bibliofila). (in Russ.)

Информация об авторе

Михаил Вадимович Сеславинский, кандидат исторических наук, академик Российской академии художеств (отделение искусствознания и художественной критики)

Information about the Author

Mikhail V. Seslavinskiy, Candidate of Sciences (History), Member of the Russian Academy of Arts (Department of Art History and Art Criticism)

*Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 12.07.2023
The article was submitted on 10.06.2023;
approved after reviewing on 12.07.2023; accepted for publication on 12.07.2023*